

ПЕРЕДНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНОСТЬ

(Особенности социально-экономического развития)

Академик А. И. Тюменев

Марксистско-ленинское понимание закономерности диаметрально противоположно тому представлению о закономерности как о простой повторяемости явлений, какое присуще было буржуазным теоретикам в то время, когда они еще занимались поисками «законов истории». Именно полная бесплодность таких поисков и привела их в конце концов к разделению всех наук на науки обобщающие (генерализирующие) и на науки, занимающиеся изучением неповторяющихся явлений (индивидуализирующие). Марксистско-ленинской теории глубоко чуждо подобное представление о закономерности. Сила марксистско-ленинской методологии, напротив, в том и заключается, что, устанавливая общие закономерности, она в каждом конкретном случае требует специального тщательного анализа с учетом всех данных. Живая действительность (и тем более историческая действительность) чрезвычайно сложна и предполагает такое разнообразное стечение и такие различные сочетания приводящих обстоятельств и условий, что жизнь и развитие никогда не могут протекать в одних и тех же формах. И, тем не менее, такое многообразие явлений ни в коей мере не исключает их закономерности.

Известно, что на различных ступенях каждая формация имеет общие и специфические закономерности, чем и обуславливается сходство черт в развитии отдельных народов на тождественных исторических этапах. Но и эти общие черты, в свою очередь, проявляются в самых различных формах и вариациях. В трудах классиков марксизма-ленинизма можно найти немало примеров, иллюстрирующих это положение. По понятным причинам они относятся прежде всего к новому времени. Но если даже в новое время, время развития капиталистических отношений, несмотря на нивелирующее влияние, какое оказывает капитализм с его мировым рынком и международным разделением труда, возможны существенные расхождения в путях развития отдельных капиталистических стран, то на ранних ступенях человеческого общества, когда влияние природных и других местных условий должно было сказываться с большей силой, такое расхождение типов и путей развития должно было проявляться еще резче и отчетливее. В частности, Маркс в своей черновой рукописи 1857—1858 гг. в разделе, посвященном «формам, предшествующим капиталистическому производству», вполне отчетливо показал глубокое различие и своеобразные производственных отношений, образовавших базис древневосточных и античных обществ, специально противопоставляя их одни другим. Задачу историка-марксиста составляет поэтому выявление и общих черт, и специфических форм, и вариаций, в которых проявляются эти общие закономерности развития. И лишь тогда, когда будут выявлены не только основные закономерности на данной стадии развития, но показаны и освещены специфические, часто сильно различающиеся формы этих закономерностей в жизни отдельных народов, можно говорить о подлинном научном освещении исторического процесса и о действительном преодолении свой-

ственных буржуазной исторической науке скептицизма и неверия в существование исторических законов.

Приходится, однако, констатировать, что некоторые изучающие древность и прежде всего историю древнего Востока советские ученые не всегда следуют этому правилу и вместо того, чтобы находить конкретные пути эволюции отдельных народов, иногда обнаруживают обратную тенденцию. Эта тенденция заключается прежде всего в унификации способов эксплуатации, в частности форм рабовладения. В результате специфические формы эксплуатации, практиковавшиеся в странах Ближнего Востока (и прежде всего в странах с ирригационным земледелием), именно эксплуатации наравне с собственно рабским трудом массы непосредственных производителей из среды местного населения, игнорируются, замалчиваются или даже отрицаются. В тех же случаях, когда в источниках нет указаний на эксплуатацию труда рабов-военнопленных античного типа, наличие последних нередко просто постулируется без приведения каких-либо доказательств.

Такое отклонение с пути конкретного исследования приводит к ложному представлению относительно целого этапа всемирно-исторического развития. Исходя из признания рабства единственно в формах эксплуатации труда военнопленных и покупных рабов, а также из того факта, что эти формы достигли наиболее полного развития только в античном Средиземноморье и были значительно слабее выражены в странах Востока, некоторые исследователи рассматривают эти страны как раннерабовладельческие, не достигшие ступени развития античного рабовладельческого общества, через которую они будто бы должны были, несомненно, пройти, прежде чем у них возникли феодально-крепостнические отношения. Однако такая унификация, такое отождествление путей развития народов Востока и Запада (якобы через более полное развитие форм «античного» рабства, то есть прежде всего эксплуатации военнопленных и покупных рабов¹, к феодально-крепостнической формации) не только не отвечает требованию марксистской методологии относительно обязательности конкретного подхода к исследованию исторического развития отдельных стран, тем более стран со столь различной культурой, как восточные и европейские, но и находится в решительном противоречии с фактическими данными.

Различие общественного строя и исторических судеб восточных и античных рабовладельческих обществ отнюдь не сводится к стадийному различию. Это прежде всего различие самих путей развития. Следует при этом оговорить, что и древневосточные страны также развивались неодинаково. В дальнейшем изложении мы будем иметь в виду прежде всего ведущие страны Переднего Востока, для экономической жизни которых характерно преобладание речного земледелия, именно Египет и область южного Двуречья. Общие черты в их экономике обусловили известное сходство общественного типа этих двух стран (что, конечно, ни в какой мере не исключало своеобразия их развития и исторической судьбы). Те же общие черты обеспечивали устойчивость возникшего здесь специфического государственного строя.

Чтобы правильно оценить причины своеобразия исторических судеб этих восточных стран с их древнейшей культурой, глубоко отличной от культуры античной, необходимо исходить из учения марксизма-ленинизма о тесной связи и взаимозависимости между базисом и надстроечными явлениями. Достаточно сопоставить деспотический строй Египта и античные города-государства, для которых характерно свободное волеизъявление суверенных горожан, чтобы предположить существование не менее глубокого различия и в характере базиса в том и другом случае. Само

¹ Мы не имеем здесь в виду рабство-должничество — форму, общую странам Востока и античности и даже более типичную для стран Востока, нежели для античности.

собой разумеется, что надстройка в форме восточной деспотии должна была оказывать совершенно иное воздействие и играть совершенно иную роль в его окончательном оформлении, чем античный полис, а это различие в действии надстройки, в свою очередь, определялось иным характером самого экономического базиса, на который политическая надстройка должна была воздействовать. Нетрудно видеть, что именно форма восточной деспотии была той надстройкой, которая должна была способствовать оформлению и укреплению характерного для стран с речной культурой базиса, заключающегося прежде всего в эксплуатации наравне с рабским трудом труда ширших масс местного производящего населения, и что, с другой стороны, форма суверенного города-государства античности была той надстройкой, которая укрепляла его базис, основанный на жестокой эксплуатации массы бесправных рабов, противостоящих общине свободных граждан.

В чем же заключались условия и причины, породившие такое своеобразие базиса стран, расположенных в области речных культур? Поскольку Египет и область Двуречья были местами древнейших культур, какие-либо внешние влияния не могли играть существенной роли в определении путей начального развития их классовых обществ. Свообразие их экономического базиса могло в известной мере обуславливаться своеобразием естественной среды, в которой происходило их развитие.

Значение и роль естественной среды именно в истории стран речной культуры выступают с полной очевидностью. Однако именно этому обстоятельству некоторыми нашими учеными не уделяется должного внимания. Из боязни переоценить значение естественных условий они, напротив, недооцениваются или даже просто игнорируются².

Конечно, на изменения, происходящие в жизни и истории человеческих обществ, географическая среда не может оказывать прямого, непосредственного и решающего влияния уже хотя бы по одному тому, что изменения в ней совершаются несравненно медленнее, чем в обществе. Географическую (природную) среду, разумеется, нельзя рассматривать как главную силу, движущую общественное развитие и обуславливающую переход от одного общественного строя к другому, стоящему на более высокой ступени развития. На развитие общества географическая среда может оказывать лишь известное замедляющее или ускоряющее влияние.

Напротив, общественный труд может изменять среду и притом в относительно короткий срок. В этом случае естественная среда выступает уже не в качестве активно воздействующей на человеческое общество силы, а, наоборот, в качестве пассивного объекта воздействия со стороны человека, приспособляющего ее к своим нуждам и потребностям и использующего в качестве производительной силы. И поскольку природная среда участвует таким образом в производственном процессе в качестве одной из составных его сторон, постольку она может и должна влиять на производственные отношения между людьми, отражаясь вместе с тем и на характере данного общественного базиса. Поэтому при анализе базиса отдельных исторических обществ необходимо учитывать роль и значение природной среды как естественной основы производства, поскольку про-

² Пример некоторой недооценки влияния географической среды представляет курс истории древнего Востока В. И. Авдиева (как в первом, так и во втором издании). Во введении к курсу влиянию природных условий отведена всего одна фраза: «Только в плодородных долинах Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга, Хуанхе благоприятные естественные условия способствовали уже в четвертом тысячелетии до н. э. развитию земледельческого хозяйства, основанного на искусственном орошении» (изд. 2-е, стр. 41). Эта общая характеристика осталась, однако, совершенно нераскрытой. Столь же кратко отмечается при описании природных условий Месопотамии значение периодических разливов Тигра и Евфрата для развития земледельческого хозяйства, основанного на орошении (там же). В обзоре природных условий Египта говорится о плодородии почвы, орошаемой Нилом, но о работах по ирригации страны и о том влиянии, какое эти работы должны были оказывать на общественный строй, ничего не сказано. Не упоминается и об искусственном орошении (стр. 161—163).

изводственные отношения между людьми образуются именно в процессе производства, то есть в процессе их воздействия на природу. Игнорировать, в частности, значение естественной среды при определении базиса обществ древнего Востока — значит лишать себя возможности более полного и всестороннего выяснения их специфики.

В странах речных культур (базис других стран древнего Востока был отличен и должен исследоваться особо) в основе всей хозяйственной и общественной жизни лежала необходимость создания обширной ирригационной системы, требовавшей коллективного труда всего населения³. Труд этот был нужен для поддержания и обновления системы оросительных сооружений, постоянно нарушавшейся ежегодными наводнениями. С ослаблением и тем более с полным прекращением таких работ плодороднейшие земли заболачивались или заносились песком.

Какое же влияние эти природные условия должны были оказывать на характер производства и производственных отношений? Если первоначальное проведение каналов еще в условиях первобытнообщинного строя было делом отдельных общин и производилось трудом свободных общинников, то впоследствии, с установлением связей между отдельными общинами, с ростом производительных сил и с возникновением классов и государственной власти, распоряжение всем коллективным трудом общинников по производству оросительных работ перешло в руки государства, объединявшего вокруг себя представителей господствующего эксплуататорского класса и принимавшего вместе с этим характер деспотической власти. Распоряжение коллективным трудом населения на оросительных работах давало эксплуататорскому классу широкие возможности для использования коллективного труда также и на строительных и на иных работах. Поскольку же государство являлось распорядителем всех оросительных работ, оно, естественно, присваивало себе право верховной собственности на все орошенные земли, используя значительную часть этих земель непосредственно в государственном хозяйстве, именно в царском и храмовых хозяйствах и оставляя за общинами лишь право наследственного владения⁴. В результате присвоения всех этих прав государственной властью первоначально свободные общинники тем самым попадали в зависимость от самодержца и группировавшегося вокруг него господствующего класса. А при крайне низком уровне технических средств и возможностей того времени зависимость эта могла быть только рабской зависимостью.

Характеризуя таким образом господствующий тип рабовладельческих отношений в Египте — области Двуречья, необходимо отрешиться от распространенного и отмеченного выше представления, будто единственной формой рабства является эксплуатация военнопленных и покупных рабов. Те, кто склонен трактовать проблему рабства именно так, забывают, что система рабства отличается от других форм эксплуатации прежде всего не объектом и не способом завладения личностью раба и не тем, кого — военнопленных или соплеменников — эксплуатируют, а тем, как они эксплуатируются. При рабстве, как известно, присваивается не только

³ Насколько велика была рабочая сила, требовавшаяся на работах даже не по проведению, а только по очистке русла каналов, показывает, например, тот факт, что еще в половине прошлого столетия на очистке русла канала протяжением около ста верст, шириной 50 футов и глубиной около 7 футов одновременно была занята 31 тыс. феллахов, причем эту работу надо было повторять раз в три года. См. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб. 1850, стр. 167, цит. по Н. А. Шолпо. Ирригация в древнем Египте. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 9. Л. 1941, стр. 85.

⁴ «...Связующее единство, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает как высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы». К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат. 1940, стр. 6.

объект труда, но и самая личность производителя, труд которого и эксплуатируется не только за счет прибавочного, но и части необходимого труда. Объектом такой эксплуатации может быть одинаково как труд военнопленных и покупных рабов, так и труд соплеменников, и притом не только в форме рабства-должничества. В отличие от античных стран на древнем Востоке (прежде всего в странах речных культур) объектом рабской эксплуатации и являлось, как видим, прежде всего основное производящее население страны, что, конечно, не могло не отражаться как на направлении развития, так и на характере рабовладения.

Такое, говоря словами Маркса, «поголовное рабство» на Востоке не исключало, конечно, использования также и труда военнопленных. Однако роль и значение труда военнопленных были глубоко отличны от той роли, какую он играл в странах античности. Поскольку в распоряжении господствующего класса здесь находилась рабочая сила всего населения страны, труд рабов военнопленных в отличие от античности представлял собой не особую, противостоящую труду коренного населения и конкурировавшую с ним форму труда, а не более, как побочную дополнительную и имевшую лишь второстепенное значение рабочую силу. Вот почему если в странах античности целая пропасть отделяла рабов от свободного населения, то в странах речных культур, напротив, наблюдалась скорее обратная тенденция в сторону слияния местного эксплуатируемого населения и рабов-военнопленных в общую массу, о чем свидетельствуют документы как древнешумерских архивов, так и Египта (например, папирус Гарриса).

Описанными особенностями базиса стран речных культур обусловливались и основные черты их экономики. Необходимостью коллективного труда общинников объясняется сохранение пережиточных форм общинного строя, а возможностью широкой эксплуатации населения со стороны государственной власти — доминирующая роль государственного (царского) хозяйства. Последнее, если и не исключало, то в сильнейшей степени тормозило проявление частнохозяйственной инициативы и развитие частного хозяйства. Непосредственной эксплуатации подвергалась значительная часть населения, вовлеченного в царское и храмовые хозяйства⁵. Остальная часть населения, остававшаяся за пределами государственного хозяйства и жившая общинами, пользовавшаяся самоуправлением, сохраняла известную независимость, однако не была избавлена от эксплуатации со стороны государственной власти. Члены общин могли быть по распоряжению царя затребованы в порядке принудительной повинности в любое время, на любой срок и на любые работы, и притом не только для выполнения общественно необходимых работ, но и для удовлетворения прихотей царской власти (что особенно имело место в Египте, где деспотический характер власти проявлялся с особой силой, о чем см. ниже). От этих работ не были освобождены и представители состоятельных слоев населения. Они, впрочем, обычно поставляли вместо себя заместителей — своих рабов и наемных людей. При этом эксплуатация вызванных на принудительные работы производилась обычно с не меньшей жестокостью, нежели эксплуатация рабского труда⁶.

⁵ Относительно Египта см., например, «Всемирная история». Т. I. М. 1956, стр. 164 и сл.; относительно области Двуречья см. А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. Ч. II., гл. 3, ч. III, гл. 2. Л. 1956.

⁶ Именно эксплуатация местного населения в странах речных культур, представляющая характернейшую черту базиса этих стран, также в известной мере недооценивается некоторыми нашими историками. Так, авторы общих курсов по истории древнего Востока (В. В. Струве, В. И. Авдиев), выдвигая на первый план действительные или мнимые факты эксплуатации рабов-военнопленных, в то же время проходят мимо фактов самой широкой эксплуатации в государственном хозяйстве труда основной массы населения. Если при этом в таких курсах и содержатся краткие указания, что наряду с эксплуатацией рабов привлекались иногда к работам также «бедняки», то в результате создается картина, диаметрально противоположная действительному соотношению этих двух форм рабской эксплуатации. Правда, акад. В. В. Струве

В совершенно иных условиях происходило развитие производительной деятельности в странах античного Средиземноморья, в частности в Греции⁷. Соответственно иначе должны были складываться и производственные отношения между людьми. Это различие условий было известно уже самим древним. Так, египетские жрецы указывали Геродоту, что вся страна эллинов орошается только дождями, а не реками, как их собственная страна, и что в случае засухи эллины находятся под угрозой голода. Небольшие реки и речки в большинстве летом пересыхали. Заботы об орошении не были в античной Греции общественным делом, как в странах речных культур, и ограничивались пределами отдельных участков, орошавшихся с помощью колодцев или водой из горных ручьев. В связи с этим здесь возникла и получила широкое развитие специальная наука — «водоискание»⁸. В отличие от стран с ирригационным земледелием, где вся орошаемая территория покрывалась наносным илом и где поэтому различие почв не имело большого значения (в области южного Двуречья выделялись, например, лишь местности холмистые, заболоченные, солончаки), в Греции необходимо было считаться с разнообразием качеств почв. В сочинениях греческих агрономов исключительное внимание уделено вопросам выбора почв, пригодных для посевных или для посадочных культур, улучшения их качества путем внесения удобрений или смешения различных сортов земли⁹. Наконец, бедняки, ютившиеся по склонам гор, должны были вести свое хозяйство на бесплодной, каменистой почве. Известен эпизод встречи Писистрата с бедным крестьянином, трудившимся над обработкой такого участка¹⁰.

Эти условия должны были способствовать индивидуализации хозяйственной деятельности. Разложение первобытнообщинного строя совершалось здесь поэтому относительно быстро и уже довольно рано в более передовых областях приводило к вытеснению общинной собственности частной собственностью на землю. Еще на стадии становления классового общества в Греции не только существовала частная земельная собственность, но и наблюдалась значительная ее концентрация в руках предста-

в своей недавней статье «К вопросу о специфике рабовладельческого общества древнего Востока» («Вестник» Ленинградского университета, 1953, № 9, стр. 82 и сл.) как будто признает факт широкой эксплуатации населения в государственном хозяйстве древневосточных стран. «Совершенно не ставился нами, советскими историками, вопрос о том, что общины могли превратиться господствующим меньшинством в коллектив рабов с сохранением ради удобства эксплуатации некоторой доли старой общинной организации. Мы забываем при этом, что выдвигание войн и купли, как источника подлинного рабства, является данью преклонения перед авторитетом буржуазной науки» (стр. 81—82). Однако, оставляя в стороне неточность формулировки позиции советских историков, заметим, что поскольку в данном случае все дело сводится к закабалению населения в результате рабства-должничества (стр. 83), постольку и эта статья, по существу, не содержит ничего нового по сравнению с не раз высказывавшимися академиком В. В. Струве взглядами, начиная с его первой работы о рабовладельческом строе стран древнего Востока. В действительности практика рабства-должничества в закабалении народных масс отнюдь не играла такой исключительной роли, какая приписывается ей В. В. Струве. По данным хозяйственных архивов древнего Шумера, сохранившимся с архаического времени, можно проследить процесс постепенного роста зависимости первоначально свободных производителей и их закабаления со стороны храмовой, затем энсальной и, наконец, царской администрации. В Египте уже при первых династиях распоряжение всей рабочей силой находилось в руках центральной власти в лице фараонов так же, как и в руках столичной и провинциальной знати. Ни в том, ни в другом случае практика рабства-должничества совершенно не играла роли.

⁷ Имеется в виду история Греции, начиная с архаической эпохи, поскольку микенская эпоха еще недостаточно изучена, чтобы делать о ней какие-либо выводы или заключения, и к тому же она была сметена дорийским завоеванием.

⁸ Б. Богаевский. *Отчет земледелия Афин*. Птрг. 1915, стр. 67 и сл.

⁹ Этим вопросом уделяет особое внимание Феофраст в сочинении «De causa plantarum», ср. также сборник «Geoponica», ed. H. Beckh. Lipsiae (B. C. Teubner). 1895. Варрон называет свыше 50 имен греческих авторов, касавшихся агрономических вопросов, см. De re publica, I, 1.

¹⁰ Аристотель. *Афинская полития*, 16, 6.

вителей господствующих родов. Исчезновение общинного строя и быстрое и раннее развитие частнохозяйственной деятельности в качестве господствующей формы хозяйства обусловило возникновение и развитие частного рабовладения в форме эксплуатации покупных рабов, для чего периферия отсталых народностей представляла крайне благоприятные условия¹¹.

Такое распространение частного рабовладения не было повсеместным, оно наблюдалось прежде всего в передовых центрах Греции, в городах малоазийского побережья, в Афинах, в Коринфе. В дальнейшем изложении мы будем иметь в виду именно те города и области Греции, в которых преобладали античные, то есть наиболее «чистые», формы рабовладения. Если в Греции с разложением и расстройством общины первоначально и проявлялась тенденция господствующей родовой верхушки к закабалению обедневших членов общины (например, в Аттике и в Беотии), то в силу указанных причин эта тенденция не могла получить здесь развития. Революция VII—VI вв., которая в передовых областях Греции уничтожила господство родовой знати, положила вместе с этим конец и практике рабства-должничества. Новые торговые и рабовладельческие общественные слои, возглавившие революцию, не только не были заинтересованы в закабалении крестьянства, но, напротив, ставили себе задачей создание общины свободных граждан, составляющей опору рабовладельческого строя. Этим прежде всего и объясняются как меры по отмене долгов, так и мероприятия против возрождения рабства-должничества¹². Дальнейшему распространению рабства способствовали здесь раннее возникновение и быстрое развитие на основе частной предприимчивости внешней торговли и связанного с ней товарного производства¹³. Сосредоточенный в более крупных сельских хозяйствах и в особенности в больших мастерских рабский труд в Греции, напротив, конкурировал с трудом свободных производителей — крестьян и ремесленников и вытеснял их из производства.

Правда, в числе условий развития экономики древней Греции наряду с решающим значением внутренних социально-экономических сил необходимо учитывать и влияние внешних факторов. Ведь развитие Греции в отличие от первоначальной истории стран Востока совершалось в окружении опередивших ее в культурном отношении восточных стран. И действительно, возможность заимствования приемов производства и приобретения квалифицированных рабов, равно как и возможность более быстрого и интенсивного роста внешней торговли, в значительной степени облегчали и ускоряли развитие греческой экономики в направлении более широкого проявления частной предприимчивости и роста частного рабовладения. Однако своеобразный путь этого развития никакими внешними влияниями не может быть объяснен, да и развитие самих восточных стран шло совершенно иным путем.

¹¹ Ср. В. В. Кузовков. Об условиях, породивших различия в развитии рабства и его наивысшее развитие в античном мире. «Вестник древней истории» (ниже ВДИ), 1954, № 4, стр. 114—115.

¹² Законы о воспрещении рабства-должничества были введены не только в Аттике, но и в большинстве других полисов. См. W. Westermann. The slave system of greek and roman antiquity. Philadelphia, 1955, стр. 4—5, ср. стр. 29—30. Другие законодатели шли еще дальше, воспрещая залог плугов и других средств сельскохозяйственного производства. См. G. Busolt—H. Swoboda. Griechische Staatskunde II³. München, 1926, стр. 830, прим. Характерно, что запрещение рабства-должничества распространялось на греков Александрии и много позднее, в эллинистическую эпоху. См. «Dikaionata». I, 219—221; W. Westermann. Указ. соч., стр. 53—54. Закабаление местного населения имело место и в Греции, но оно было результатом завоевания, притом наблюдалось в формах, отличных от древневосточных, и лишь в местностях с плодородными долинами (в Фессалии, Лаконии, Мессении, на Крите).

¹³ На Востоке, по крайней мере в более ранние эпохи, например, в южном Двуречье до падения третьей династии Ура, на пути развития частного товарного производства стояло царское ремесло.

Коренным различием в характере базиса обуславливалось и не менее глубокое различие между надстроечными явлениями в странах речных культур и в античности, прежде всего в Греции. Соответственно вся общественная и государственная жизнь строилась здесь на совершенно иных основаниях. Характернейшую черту общественного строя стран речных культур в отличие от античности составляло, как мы видели, отсутствие резкой грани между рабами-военнопленными и эксплуатируемыми в царском и храмовых хозяйствах производителями из среды местного населения и существование здесь обратной тенденции к слиянию тех и других в одну общую массу¹⁴. В отличие от античности здесь не только допускались браки между «свободными» и рабами, но и взаимоотношения супругов при таких браках (в частности, их материальные отношения) регулировались законом. В Шумере и в Вавилонии широко была распространена практика усыновления раба с обязательством содержать престарелых «родителей». Соответственно и отношение к рабам, не исключая и рабов-военнопленных, в странах речных культур, независимо от степени эксплуатации, было более мягким¹⁵.

Показательно, что соответственно характеру рабовладельческих отношений в странах речных культур строились и взаимоотношения между членами господствующего класса. Если античный город-государство представлял собою, по определению Маркса, «...отношение между... свободными и равными частными собственниками...»¹⁶, обеспечивавшее им обладание земельной собственностью, то организация господствующего класса в странах речных культур, которая должна была обеспечивать рабскую зависимость всего населения страны, строилась по образцу существовавших в стране рабовладельческих отношений. Отношения между членами правящего класса отличались чертами крайнего сервилизма. Лица низшего положения простирались ниц перед представителями власти. Не только по отношению к царю, но и в отношении вышестоящих лиц принято было называть себя «рабом» этого лица. Если в греческих городах граждане, занимавшие даже самое низшее положение, были свободны от всяких телесных наказаний, то на Востоке не были избавлены от палочных ударов и представители придворной знати. Например, в Египте времени Древнего Царства приближенные царя в своих посмертных надписях хвастались тем, что ни разу в своей жизни не подвергались побоям. Сервилизм, составлявший основную черту общественного быта в странах Востока, не укрылся и от наблюдательности древних эллинов, постоянно гордо подчеркивавших «свободолюбие» и «демократизм», отличавшие их страну, в противоположность поголовному рабству, характер-

¹⁴ Об этом свидетельствуют данные шумерских архивов времени третьей династии Ура; в Египте пленные нередко записывались в «земледельцы» и устраивались, подобно остальным зависимым земледельцам, селениями. По данным папируса Гарриса, в числе пожертвованных в храмы «голов» числились одинаково как приведенные в качестве военной добычи пленные, так и урожденные египтяне («возвращенные царем поколения»).

¹⁵ Античный же раб не признавался человеком и рассматривался как «одушевленное орудие». «Раб,— писал, например, Аристотель,— одушевленное орудие, орудие же — неодушевленное раб» (Никомахова этика, VIII, 13). «Дружба и справедливость невозможны по отношению к неодушевленным предметам так же, как по отношению к лошади, быку или рабу, поскольку он раб» (там же). И в области общественных отношений необходимость жестокого обращения с рабами специально подчеркивалась. Так, на суде свидетельским показаниям рабов без обязательной пытки не давалось веры, тогда как для обеспечения правдивости показаний свободных граждан достаточно было принесения ими присяги. На Востоке, в древнем Шумере и Египте, показания рабов принимались наравне с показаниями остальных свидетелей; при составлении юридических актов (продажи и пр.) рабы нередко выступали в качестве свидетелей. В надписях Древнего (надпись Дебхена, см. A. Volten. Bauherr und Arbeiter im alten Reiche. «Acta orientalia», IX (1931), стр. 370) и Нового Царства (изображения в гробнице визири Рехмере) хорошее обращение с работниками (в том числе и с рабами-военнопленными) ставилось в заслугу погребенным. Насколько эта похвальба соответствовала действительности,— другой вопрос.

¹⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 9.

ному для азиатского Востока. Эту мысль мы встречаем у многих греческих авторов¹⁷. Наиболее последовательно развивает ее Аристотель. «Природе варваров,— говорит он,— чуждо властвовать, но, напротив, повиноваться и быть рабами». У варваров все рабы, выражает он ту же мысль далее с еще большею определенностью¹⁸. И, наконец, уточняя ее, проводит различие в этом отношении между варварами европейскими и азиатскими: «Варвары более склонны к перенесению рабства, чем эллины, а азиатские превосходят в этом европейских». Если европейские варвары все же рождаются свободными и для того, чтобы сделаться рабами, должны быть еще предварительно порабощены, то азиатские варвары уже и рождаются рабами, поскольку там все рабы.

Различна была и роль государственной власти в странах древнего Востока и античности, что уже отмечалось выше.

Деспотический характер государственной власти особенно отчетливо выступает в истории Египта. Но и в истории области южного Двуречья по мере ее объединения и образования централизованного, охватывавшего всю область государства, последнее все более приближалось к типу чистой деспотии. В противоположность этому античный город-государство представлял собою коллектив частных земельных собственников, для которых, как говорит Маркс, их членство в общине являлось гарантией их частной земельной собственности. В то же время коллектив вооруженных граждан противостоял здесь массе рабов и держал ее в повиновении. Государственный строй городов-государств в зависимости от преобладания в них более крупной или мелкой земельной собственности принимал различные формы олигархических, умеренно демократических или, наконец, радикально-демократических республик, в которых политические права граждан не ограничивались никаким имущественным цензом; однако во всех этих случаях основа государственного строя, форма суверенного города-государства оставалась неизменной.

Не менее глубокое различие существовало и в области идеологии. В странах древнего Востока, прежде всего в Египте, и в области Двуречья, для обеспечения господства над основным населением страны требовалось, помимо непосредственного физического принуждения, также еще принуждение духовное, одурманение сознания масс. Поэтому здесь развитие идеологии не шло дальше религиозных спекуляций, имевших целью возвеличить и создать ореол божественности деспотической власти. Руководящая роль в развитии идеологии этих стран почти всецело принадлежала жречеству. Даже зачатки знаний, необходимые для хозяйственных надобностей, были выработаны представителями верховного жречества. В их руках находилось и все дело преподавания, ограничивавшегося подготовкой узкого круга административного чиновничества. Например, в древнем Шумере все учебные пособия, предназначавшиеся для обучения штата писцов, которые обслуживали храмовое и впоследствии царское хозяйство, были составлены представителями высшего жречества — сангу, возглавлявшими эти хозяйства в древнейшую эпоху. Эти учебники служили затем в неизменном виде в течение многих столетий.

Естественно, выработанные жрецами зачатки знаний ограничивались удовлетворением непосредственных практических хозяйственных надобностей и не могли получить дальнейшего развития. Никаких широких философских систем, например в Египте, в таких условиях не могло возникнуть. Их заменяли теологические и теократические спекуляции. Светская философская мысль, поскольку она находила себе выражение в крайне немногочисленных литературных произведениях, не шла далее поверхностного скепсиса и проникнута была пессимистическими настроениями.

¹⁷ См., например, Еврипид. Ифигения в Авлиде, стих 1400, Елена, стих 246; ср. также и другие места, приводимые в книге С. Я. Лурье. История античной общественной мысли. Л.-М. 1929, стр. 240—241.

¹⁸ Аристотель. Политика 1, 1, 5; там же, 1, 1, 9.

Те представления о происхождении мира, о назначении и судьбе человека, которые находили отражение в сказках и эпосе Египта и южного Двуречья, также подвергались жреческой обработке¹⁹. Материалистические представления, получившие широкое распространение в Греции, находились в зачаточном состоянии.

Иначе складывались условия для развития философской мысли в Греции. Здесь для обеспечения господства над рабами достаточно было одного непосредственного физического принуждения: бич надсмотрщика исключал необходимость какого-либо идеологического воздействия на психику рабов. Это обстоятельство освобождало мысль греческих философов; религия полиса не шла дальше требования формального признания ее и соблюдения чисто внешних форм культа божества города, олицетворявшего собою как бы самую городскую общину. Освобожденная от всяких сдерживавших ее и привходящих моментов и развивавшаяся в условиях относительно свободной политической жизни и борьбы политических течений, греческая философская мысль, переняв и развив те зачатки знаний, какие имелись на Востоке, поднялась на необычайную высоту, оставив после себя богатейшее наследие, широко использованное в новое время. Так же свободно развивалась и литература, содержание которой было непосредственно связано с общественной жизнью полиса, и искусство.

Проследим теперь различие путей развития стран речных и античных культур на фактическом материале.

Документы хозяйственных архивов древнего Шумера знакомят нас с процессом постепенного вовлечения местного населения в храмовые хозяйства и затем — с образованием местных государственных центров — в хозяйства местных правителей — энси²⁰. В то же время надписи тех же энси показывают, как широко привлекалось население, стоявшее вне храмовых и энсиальных хозяйств, на оросительные и строительные работы. Когда один из наиболее энергичных строителей древнешумерской эпохи, энси Лагаша Гудеа, решил соорудить храм главному божеству города Нингирсу, «он отдал распоряжение своему городу как одному человеку, и вся страна Лагаша следовала этому распоряжению, как дети единой матери»²¹. Создание единого централизованного государства привело к объединению отдельных энсиальных хозяйств в одно царское хозяйство с центром в столичном городе Уре. Основную рабочую силу по-прежнему составлял персонал, вышедший из среды местного населения и перешедший после объединения энсиальных хозяйств в состав царского хозяйства.

Определение древнешумерского общества по крайней мере времени третьей династии Ура как раннерабовладельческого²² находится в явном противоречии с известным нам материалом. Достаточно представить себе царское хозяйство этого периода, охватывавшее всю область южного Двуречья с обширным занятием в нем административным и рабочим персоналом, с широко разветвленной организацией, с охватом всех отраслей

¹⁹ Например, эпос о Гильгамеше. См. «Всемирная история». Т. 1, стр. 306 и сл.

²⁰ См. А. Тюменев. Указ. соч. Ч. I и II.

²¹ A. Falkenstein, W. Soden. Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete, S. 150, цит. по: A. Falkenstein, La cité-temple sumerienne. «Cahiers d'histoire mondiale» 1, (1954), p. 792. О привлечении населения на строительные работы см. А. Тюменев. Указ. соч. Ч. III, гл. 6; ср. F. R. Caus. La role des temples depuis la troisième dynastie de Babylon «Cahiers d'histoire mondiale», 1, (1954), p. 524, 525.

²² В предисловии к только что вышедшему коллективному изданию «Древняя Греция» под редакцией акад. В. В. Струве и Д. П. Каллистова (М. 1956), общества древнего Востока в противоположность древней Греции обозначаются даже как «примитивно рабовладельческие» (стр. 3). Ср. С. И. Ковалев. История античного общества. Греция. Л. 1936, стр. 7.

производства, с сильным развитием отчетности и контроля со стороны центрального хозяйственного управления, чтобы усомниться в таком определении²³. Если система эксплуатации в царском хозяйстве Ура и представляла более раннюю стадию развития, то отнюдь не по сравнению с античными формами рабовладения, а по отношению к позднему развитию рабовладельческих отношений в самой области Двуречья.

Вместе с объединением области, с централизацией ее хозяйственной и политической жизни достигла своего полного развития форма типичной восточной деспотии. В этом отношении чрезвычайно характерным представляется различие путей развития государства в античности (в Греции и Риме) и в области Двуречья. В том и другом случае становление государства происходило в борьбе с родовой знатью. Однако в Двуречье силой, выступавшей против родовой знати, была прежде всего власть правителей — энси, которой в итоге удалось утвердить деспотию²⁴, в античности же такой силой были народные массы, борьба которых против родовой знати завершилась образованием демократического государства в форме полиса.

Царское хозяйство в той невероятно сложной и громоздкой форме, в какой оно существовало при третьей династии Ура, в условиях еще относительно малоразвитых производительных сил, не сумело продержаться в течение долгого времени и не пережило этой династии. Совершенно исчезнуть оно, конечно, не могло и было реорганизовано постепенно, по совершенно иной системе, представлявшей как бы переходную ступень общественного развития. Непосредственная эксплуатация и обеспечение натуральным довольствием рабочего персонала царского хозяйства сменились системой раздачи индивидуальных или коллективных наделов — «полей кормления» (*eklum kugimmatum*) — административному и рабочему персоналу хозяйства²⁵. Натуральное довольствие выдавалось теперь только ограниченной категории людей, состоявших при дворе и не занятых производительной деятельностью: привратникам, слугам, воинам охраны, архитектору и другим придворным должностным лицам²⁶, а также служащим военных гарнизонов, рабочим на время выполнения ими различных государственных повинностей²⁷. Служебные наделы выделялись из царских земель. На остальных царских землях непосредственно полевого хозяйства не велось²⁸. Земли, подлежащие обработке, разбивались на небольшие участки и распределялись между мелкими съемщиками (ишшаккумами), находившимися в полной зависимости от двора

²³ Организация и характер царского хозяйства Ура подробно описаны в моей монографии «Государственное хозяйство древнего Шумера».

²⁴ Вопрос об условиях становления деспотического государства древнего Шумера в борьбе против родовой знати освещен в неопубликованной докторской диссертации И. М. Дьяконова «Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье». (1956).

²⁵ Сведения о «полях кормления» содержатся в изданной Тюрю Данженом переписке Хаммураби с Шамаш-Хасиром. См. «Revue d'Assyriologie», XXI (1924). Далее — Th. D.

²⁶ Документы о выдаче довольствия имеются в издании J. Kohler-P. Koschaker-F. E. Peiser-A. Ungnad. *Hammurabi's Gesetz*. Bd. V. Leipzig. Лица, состоявшие на довольствии, упоминаются нередко также в царской переписке. См. Th. D., №№ 11, 48, 54, 67, 69; A. Ungnad. *Babylonische Briefe (Vorderasiatische Bibliothek)* (далее В. В.). Bd. VI. Leipzig. 1914, № 21; G. K. Driver. *Letters of the first babylonian dynasty*. Oxford. 1924, № 40. Люди, которые брались во дворец, лишались надела и переводились на довольствие, и, наоборот, переводившиеся на производительную деятельность снимались с довольствия и получали надел. См. Th. D., №№ 48., 54, 67; G. K. Driver. Указ. соч., № 40.

²⁷ См. В. В. №№ 252, 155; Fish. *Letters of the first babylonian dynasty in the J. Rylands library*. Manchester. 1924, № 130; H. F. Lutz. *Old babylonian letters from Larsa*. Oxford. 1924, № 130.

²⁸ См. И. М. Дьяконов. *Muskenum и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби*; «Eos», XLVIII (1956), стр. 43.

Помимо участка, они получали также зерно для посева, рабочий скот, средства производства и обязаны были отдавать часть получаемого дохода — дань; поэтому их иногда называют «приносящие доход» (*pašī bitim*)²⁹. Поскольку уплата определенной части составляла прямую обязанность ишшаккумов, они не могли получать служебных наделов, нести какую-либо иную службу³⁰. Прямых указаний на то, как совершался переход от непосредственного царского хозяйствования к системе сдачи участков, в источниках нет. Возможно, что основное ядро ишшаккумов образовали прежние гуруши, посаженные на землю. При Хаммураби число их пополнялось за счет обедневших и потерявших свои наделные участки общинников³¹. Положение ишшаккумов было зависимым и крайне приниженным: фактически они не были ни свободными арендаторами, ни сколько-нибудь самостоятельными хозяевами. Как ранее гуруши, ишшаккумы делились на партии, подчиненные особым начальникам, «в руке» (*ša kât*) которых они находились. При переводе начальника ишшаккумов на другое место его подчиненные должны были следовать за ним³².

Эволюция земледельческих порядков, наблюдавшаяся в области южного Двуречья в описываемую эпоху, в общем напоминает изменения, происходившие в Египте во время перехода от Древнего Царства к Среднему и затем к Новому Царству (об этом см. ниже).

Остальной персонал, занятый в царском хозяйстве при Хаммураби и его преемниках, организован был аналогичным образом, хотя и не находился в столь тесном положении, как ишшаккумы. Ремесленники и другие лица, занятые производительным трудом, были разделены по профессиям на группы, находившиеся в ведении (*sa kât*) особых надзирателей (*waklum*)³³. При этом в большинстве своем они обеспечивались служебными наделами³⁴. Стада, рассеянные по всей стране, поручались пастухам, которые получали инструкции из центра и обязаны были являться ко двору для отчета³⁵. По-прежнему в царском хозяйстве занято было местное население³⁶. О применении труда рабов-военнопленных сведений имеется еще меньше, чем в предшествовавшую эпоху³⁷. Общест-

²⁹ Значение термина «ишшаккум» толкуется различно. Наиболее близкой кистие представляется точка зрения Тюрра Данжена, видящего в ишшаккумах съемщиков — колонов, «*Revue d'Assyriologie*», XXI, 1924, стр. 2; Th. D., № 23; Законы Хаммураби, ст. 37, 38.

³⁰ И. М. Дьяконов. Указ. соч. «Eos», стр. 46.

³¹ О порядке сдачи участков на условиях «принесения» дохода см. И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 44 и сл.

³² В. В., № 51.

³³ Такие сведения имеются, например, относительно плотников (В. В., № 49), судовщиков (В. В., № 46), строителей (там же), ювелиров (Th. D., № 56), ткачей и ткачих (Th. D., № 10; В. В. № 32; Kohler-Ungnad-Koschaker. VI, № 1841), кузнецов (Th. D., №№ 31, 50; Kohler-Ungnad-Koschaker. VI, № 1800), садоводов (Th. D., № 26), птицеловов (Th. D., №№ 15, 27); рыбаков (Th. D., №№ 6, 17, 27, 68; Driver, № 6) и др.

³⁴ Многочисленные данные об этом имеются в переписке Хаммураби с Шамаш-Хасиром. В редких случаях ремесленники получали довольствие (см. Th. D., № 54).

³⁵ В. В., №№ 58, 15, 16; ср. №№ 83—86.

³⁶ Показательно, что в письме, содержащем перечень пастухов, вызываемых в Вавилон для дачи отчета (В. В., № 16), указывается место происхождения каждого пастуха, а иногда даже имя его отца.

³⁷ «Дом военнопленных» (*bit asiri*), на который обычно ссылаются, представлял собой более или менее случайное и, во всяком случае, временное явление. Документы, в которых идет о нем речь (Kohler-Ungnad-Koschaker. VI, №№ 1836—1856), связаны с именем некоего царя Риманум, местопребывание которого точно неизвестно. Эдуард Мейер («*Geschichte des Altertums*», 1. 2. Изд. 4. 1921, стр. 120 и сл.) видит в Римануме пришедшего с Севера семитического завоевателя. В «доме военнопленных» содержались люди из Туллиаша, Пенина и Кисаллу, городов и местечек, над которыми Риманум одержал победу. Все его правление датировано лишь двумя годами; к тому же с того времени, когда «дом военнопленных» оказался во власти Вавилона (31 год правления Хаммураби — Kohler-Ungnad-Koschaker. VI, № 1856), о нем больше совсем не упоминается.

венные и прежде всего оросительные и строительные работы выполнялись населением в порядке трудовой повинности³⁸.

Упразднение хозяйственной системы в той централизованной форме, в какой она существовала при третьей династии Ура, открыло широкий простор для развития частнохозяйственной деятельности и распространения частного рабовладения, что наблюдалось уже при первой вавилонской династии. При этом, в отличие от царского и храмовых хозяйств, частные хозяйства могли развиваться только по линии использования труда местного населения, как в царском хозяйстве, а прежде всего покупных рабов. Менее всего рабский труд применялся в сельском хозяйстве. Хозяйства, в которых использовались рабы, насчитывались единицами³⁹. Гораздо более распространенным был способ эксплуатации земли путем сдачи ее в аренду по преимуществу мелкими участками и на короткие сроки⁴⁰. Кодекс Хаммураби знает еще способ эксплуатации земли путем отдачи ее в обработку наемным пахарям (ст. 257). Преобладающим, однако, оставалось мелкое землевладение, при котором небольшие участки обрабатывались самими владельцами и членами их семей⁴¹.

Частная инициатива и предпринимательство проявлялись в первую очередь в области торговых и денежных операций, а не в сельском хозяйстве. Ко времени первой вавилонской династии относится карьера таких крупных и разносторонних дельцов, как Убар Шамаш и Бальмунамхе в Ларсе, Иддин Лагамаль в Дильбате, Силли Иштар в Уруке, занимавшиеся ростовщическими операциями, закупкой земель и домов, покупкой рабов и работорговлей⁴². О развитии внешних сношений свидетельствуют как статьи 100—107 Кодекса Хаммураби, так и договоры о совместном ведении торговли⁴³.

С падением III династии Ура больше простора для своего развития получило частное ремесло, которое носило еще, однако, достаточно примитивный характер, ограничиваясь работой на заказ⁴⁴.

Ко времени нововавилонской и персидской эпох во всех отраслях хозяйственной жизни наметился значительный прогресс. Правда, преобладающей формой в земледелии еще оставалось мелкое хозяйство, обрабатываемое самими владельцами (общинниками), причем размеры земельных участков значительно сократились⁴⁵. Это обстоятельство, по-видимому, находится в связи с интенсификацией сельского хозяйства и с вытеснением посевных культур более доходными финиковыми плантациями. В

³⁸ В. В., №№ 42—44, 46, 47, 65, 78, 135. В № 48 речь идет о пересылке людей, выполнявших повинности (*umman tupsikki*), с учетом расходов на их пересылку и содержание во время работы; Lutz. Указ. соч., № 22.

³⁹ Из 87 частноправовых документов по изданию Kohler-Ungnad-Koschaker. T. III и сл., в которых наряду с перечнем других видов имущества говорится также о земельных владениях (№№ 35—37, 49, 53, 57 и др.), в 56 — рабы совсем не упоминаются, в 11 — сказано только о рабах, из остальных 20 документов в 11 речь идет об одном рабе, в 5 — о 2, в 4 — от 5 до 13 рабов мужского пола, причем только в этих последних случаях можно с большим основанием предполагать собственно рабовладельческие хозяйства.

⁴⁰ Условия сдачи земли в аренду определялись рядом статей Кодекса Хаммураби (ст. 42—52). Договорам об аренде посвящено много документов Собрания Kohler-Ungnad-Koschaker. T. III, стр. 18, примечание 2; характерно, что жрицы Шамаша, являвшиеся крупнейшими землевладельцами, обычно вообще не имели рабов и в то же время во многих договорах об аренде выступали в качестве сдатчиц земли: из 154 договоров об аренде земли в 29 непосредственными сдатчицами оказываются жрицы Шамаша. Ср. M. Schorr. *Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts*. (Vorderasiatische Bibliothek, V). Leipzig. 1913, стр. 67.

⁴¹ Статьи 53, 56 Кодекса Хаммураби, по-видимому, имеют в виду таких самостоятельных хозяев.

⁴² Документы о их деятельности см. в изданиях H. Figulla. *Altbabylonische Verträge*. Leipzig. 1914; J. E. Gautier. *Archives d'une famille de Dilbat au temps de la première dynastie de Babylone*; Strassmaier. *Die altbabylonischen Verträge aus Warka*. «Verhandlungen des V. internationalen Orientalisten-Kongresses», 1882.

⁴³ Schorr. Указ. соч., №№ 169—175.

⁴⁴ Кодекс Хаммураби, ст. 274, ср. ст. 228 и сл., 234 и сл.

⁴⁵ B. Meissner. *Babylonien und Assyrien*; 1, Heidelberg, 1920, p. 189.

это же время выделились такие крупные хозяйства, как имения Табийи, Иддина-Набу, затем сына последнего Шеллиби⁴⁶. Несмотря на значительно возросшее к этому времени число частновладельческих рабов, преобладающим способом эксплуатации земель в крупных частных хозяйствах оставалась прежде всего сдача их в аренду⁴⁷. Иногда применялся наемный труд⁴⁸.

Дальнейшее развитие получили торговые и денежные операции. Общеизвестна деятельность банкирских домов Эгиби в Вавилоне и Мурашу в Нипуре. Товарищества с торговыми целями образовались в различных городах страны, например, в Уре⁴⁹.

Особенно большие изменения произошли к этому времени в области организации ремесла. Из ремесла на заказ оно превратилось в ремесло на рынок, притом в значительной степени на внешний рынок. Вместе с тем в ремесле начал применяться рабский труд, однако не в форме эргастериев с жестокой эксплуатацией рабов, как в Греции, а в более мягких формах, предполагавших отдачу рабов в обучение и затем предоставление им возможности самостоятельной работы от своего имени с уплатой владельцу оброка (мандаттум)⁵⁰.

Для характера общественных отношений, существовавших в Вавилонии, показательно изменение в положении храмового персонала⁵¹. Персонал храмового хозяйства и здесь в основном состоял из находившихся в рабской зависимости лиц местного происхождения, что не исключало, конечно, и труда пожертвованных в храмы рабов. Эксплуатация труда производилась, однако, теперь в значительно смягченных, переходных формах, о чем и свидетельствует положение «ширку» храма Иннины в Уруке. Персонал этот пополнялся прежде всего за счет посвященных богу и переданных в храм детей бедных родителей и из пожертвованных частновладельческих рабов. Положение «ширку» отличалось от состояния бесправной массы рабов. Внутри храмового хозяйства «ширку» образовали особую замкнутую организацию. Они имели своего главу, упоминаемого в ряде документов. Имеются данные, что этот глава не назначался, а избирался самими членами коллектива с последующим утверждением его храмовой администрацией и общим собранием ста-

⁴⁶ Так, богатый и крупный дедец того времени Табийя, скупая земельные участки и сдавая их в аренду, орошал их и устраивал на них финиковые плантации. San Nicolo-Ungnad. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungs Urkunden. Leipzig. 1929—1935, №№ 373—376, 408, 410. В частноправовых документах того времени речь идет обычно о финиковых плантациях, а не о посевных полях. Соответствующие документы см. в названном издании San Nicolo-Ungnad.

⁴⁷ San Nicolo-Ungnad. №№ 373—523; O. Krückman. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Leipzig. 1933, №№ 132—193 и др.; E. N. Moore. Neobabylonian business and administrative documents. University of Michigan press. 1935, №№ 189, 196; H. Figulla. Business documents of the newbabylonian period (Ur excavation texts, IV). London. 1949, №№ 41—47; Cp. I. Mendelsohn. Slavery in the ancient Near East. New York. 1949, p. 109—110. Положение не менялось и в случаях крупной аренды, например, при аренде финиковых плантаций членами дома Мурашу (A. T. Clay. Business documents of Murashû sons of Nippur dated in the region of Darius II (424—404 B. C.). Philadelphia. 1904, №№ 46, 48, 66, 71). Фактически это была не столько аренда, сколько откуп доходов.

⁴⁸ San Nicolo-Ungnad, № 151; cp. №№ 718, 750; H. Figulla, №№ 50, 51.

⁴⁹ Документы архива дома Мурашу издал специально А. Т. Клау. Указ. соч. IX и сл. Новые документы архива Мурашу опубликованы G. Cardascia. Les archives des Murašû. Paris. 1951; H. Figulla, № 56.

⁵⁰ V. Meissner. De servitute babylonico-assyrica. Lipsiae. 1892, гл. 3: de servitutum usu; его же. Babylonien und Assyrien, I, p. 231 и сл.; I. Mendelsohn. Указ. соч., гл. III, § 4. Много текстов договоров помещено в изданиях Strassmaier'a, подписей времени Навуходоносора, Набонида, Кира, Камбиза и Дария. См. также J. Kohler-E. F. Peiser. Aus dem Babylonischen Rechtsleben, III. Leipzig. 1890—1891, p. 9, 41, 44.

⁵¹ R. P. Dougherty. The shircutu of babylonian deities. New Haven. 1923; его же. Archives from Erech (Goucher college Cuneiform inscriptions). T. I. New Haven. 1923; t. II, 1930; Fremayne. Records from Erech (Yale oriental series. Babylonian Texts. T. VI); его же. Records from Erech (Yale oriental series. Babylonian Texts. T. VII).

рейшин и членов местной общины⁵². «Ширку» обладали всеми гражданскими правами вплоть до права самостоятельного выступления в суде, независимо от их общественного положения⁵³. В числе «ширку» были люди различного имущественного и общественного положения. Наряду с рядовыми «ширку» встречаем среди них людей, производивших обширные торговые и денежные операции и поднимавшихся до высокого общественного положения. Институт «ширку» представляет собой как бы переходную стадию к положению людей в храмовом хозяйстве времен Селевкидов, когда их зависимость сильно ослабевает⁵⁴.

Наряду с прогрессивными моментами в жизни Вавилонии в ее быту сохранялся и ряд пережиточных форм, например, семейно-родовые отношения и семейно-родовое право⁵⁵, что объясняется прежде всего отсутствием того разрушительного действия, какое оказывало в античности рабство.

Поскольку развитие рабовладельческих отношений и прогресс экономической жизни Вавилонии совершался отличными от античности путями, поскольку в основе всей экономики по-прежнему оставалась система орошения, постольку характер государственного устройства не испытал значительных изменений. Падение централизованной системы государственного хозяйства не было равносильно устранению господствующего положения и роли государственной власти в хозяйственной жизни страны. Экономический контроль органов центральной власти осуществлялся по-прежнему, хотя и в иных формах, прежде всего путем переписки царя с представителями местной власти или с храмовой администрацией. Продолжала также действовать, хотя и в смягченной переходной форме, эксплуатация населения на царских землях, о чем свидетельствует царская переписка при Хаммураби и его преемниках и затем при касситах, надписи на камнях «кудурру», освобождавшие население жалуемых земель от труда на дом царя с передачей права на эти работы жалуемому лицу. Усилилась роль эксплуатации населения в порядке трудовой повинности не только на оросительных, но и на строительных работах. Сооружение храмов, царских дворцов, укреплений вокруг царской резиденции приняло особенно широкие размеры при нововавилонской династии. В этих работах участвовало разноплеменное население из всех областей государства, что подтверждают надписи самих нововавилонских царей, а также известное библейское предание о постройке так называемой вавилонской башни и о происшедшем при этом смешении языков.

Египет, в общем, пережил такую же эволюцию, как и область южного Двуречья, но здесь развитие началось много раньше, и совершалось оно значительно медленнее. Вследствие того, что развитие экономической жизни в Египте складывалось на берегах одной реки, а не «раздваивалось», объединение страны совершилось ранее и соответственно ранее сложилось единое централизованное государство. Уже в начале третьего тысячелетия здесь существовала система централизованного государст-

⁵² Lutz. *Neobabylonian administrative documents from Erech. Part II*, Berkeley, 1927, № 2, p. 34.

⁵³ Вызывает интерес судебное дело «ширку», заложенного своим отцом на десять лет; по истечении срока он обратился в суд и по решению суда был освобожден и возвращен храму. V. Scheil. *La libération judiciaire d'un fils*. «Revue d'Assyriologie». XII. 1915, p. 1—12.

⁵⁴ См. Г. Х. Саркисян. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии. BDU, 1952, № 1, стр. 74—75.

⁵⁵ Еще в вавилонскую и персидскую эпохи в документах об отчуждении имущества оговаривались гарантии против возможности востребования отчуждаемого имущества членами семьи и рода. San Nicolo-Ungnad, №№ 45, 46, 54; E. W. Moore, №№ 5, 8, 9 и др. Известны случаи совместного приобретения имущества и совместного выступления на суде членов семьи. San Nicolo-Ungnad, №№ 2, 3, 10, 15 и др.; Kohler-Peiser, II, отделы V и VI ср. стр. 63 и сл. В случае возникновения имущественных споров между членами семьи они разрешались третейскими судами, избранными из среды родственников. Strassmaier. *Inschriften von Cyrus*, № 328. Kohler-Peiser, II, p. 75 и сл. и примечание 32.

венного хозяйства, в общем аналогичная системе, образовавшейся в области южного Двуречья лишь к концу того же тысячелетия при третьей династии Ура — система, строившаяся прежде всего также на рабской эксплуатации массы местного населения. Так, в царском хозяйстве Египта, как и в хозяйствах высших чиновников и приближенных к царю лиц, в основном заняты были наряду с рабами-военнопленными вовлеченные в эти хозяйства местные работники. Разбитые на партии с особыми надзирателями, они трудились на полях, в садах и виноградниках, на пастыбе скота, в ремесленных мастерских и пр. Об этом свидетельствуют надгробные изображения времени Древнего Царства, представляющие сцены производства различных работ, причем все работники, участвующие в этих сценах, имеют определенно выраженный египетский тип (а известно, что египетские художники отличались большой точностью при передаче этнических особенностей изображаемых лиц). На некоторых из этих изображений в качестве надзирателей с палкой в руке представлены люди иноземной расы, например, нубийцы.

В связи с образованием сложной хозяйственной системы в Египте уже к этому времени сложилась развитая бюрократическая система, в которой одно из первых мест занимало разветвленное, в свою очередь, ведомство работ⁵⁶. Вместе с тем возникла и сложная система контроля и отчетности. Хотя документы этой отчетности вследствие плохой сохранности не дошли до нас, имеется вполне достаточно данных, свидетельствующих об ее существовании. Уже при первых династиях производились, как известно, переписи царского имущества и населения⁵⁷. О широком развитии отчетности рассказывают надгробные изображения, в которых встречаем писцов, производящих записи о проделанных работах, о собранном в житницы зерне, о поступающих на склады готовых изделиях царских ремесленников, например, золотых и ювелирных; производились также записи выдач со складов. Изображались обычные сцены ревизии и подсчета крупного и мелкого скота, прогоняемого пастухами перед владельцем или ответственным чиновником, в которых неизбежно присутствовали писцы, производившие записи скота⁵⁸. Известны, наконец, сборы с населения, при которых также присутствовали писцы. Центральные и местные склады снабжали довольствием царя и членов царской семьи, женщин царского гарема, обширный придворный штат, чиновничий центральный и местный персонал, жрецов⁵⁹. Довольствие получали также занятые в царском хозяйстве ремесленники, строители, земледельцы, общинники за все время привлечения их на царские работы (иногда в течение очень длительных сроков)⁶⁰.

В истории Египта произошло то же, что и в южном Двуречье времени третьей династии Ура: страна не выдержала крайнего напряжения,

⁵⁶ Сводка данных относительно учреждений времени Древнего Царства дается в книге J. Pirenne. *Histoire des institutions et du droit privé d'ancienne Egypte*, I—III. Bruxelles, 1932—1936; ср. G. Dükman's. *Histoire économique et sociale d'ancienne Egypte*. Paris, 1936.

⁵⁷ J. R. Breasted. *Ancient records of Egypt*, 1, § 118 и сл., ср. § 81.

⁵⁸ P. Montet. *Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiennes de l'ancien empire*. 1925, p. 93, 114, 126, 241—242, 286 и табл. 37—38; W. Wreszinski. *Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte*. Teil III. Leipzig, 1936, табл. 37 и сл.

⁵⁹ От времени Древнего Царства сохранились фрагменты записей на папирусе выдач довольствия. L. Borchardt. *Ein Rechnungsbuch des königlichen Hofes aus dem alten Aegypten*. «Aegyptiaca. Festschrift für Georg Ebers». Leipzig, 1897, S. 8—15. О том же свидетельствуют и надгробные надписи высших сановников времени Древнего Царства. Аналогичные фрагменты сохранились и от времени Среднего Царства. L. Borchardt. *Ein Rechnungsbuch des königlichen Hofes aus dem Ende des mittleren Reiches*. «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde». 28 (1890), S. 81 и сл.; его же. *Zweite Papyrusfund in Kahun*. «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde». XXXVII (1899), S. 89 и сл., ср. XI (1902/3), стр. 113 и сл.

⁶⁰ См., например, надпись Дебехена «Ancient records», I, § 211; о том же говорят и другие надписи времени Древнего Царства. A. Wolten. *Указ. соч.*, стр. 370; известное место Геродота о строительстве пирамид (II, 125).

какого требовала невероятно сложная система государственного хозяйства. Непроизводительная затрата труда и материальных средств (на строительство пирамид и надгробных сооружений знати) еще более усиливала гнет центральной правительственной машины и приводила к крайнему обострению классовых противоречий. Кризис централизованной хозяйственной системы завершился в Египте, как и в Двуречье, распадом государства на ряд областей, управляемых местными монархами и почти совершенно независимых от центральной власти. Кризис имел в общем те же последствия, что и в области Двуречья, и прежде всего несколько большее развитие частнохозяйственной деятельности, сопровождавшейся некоторым расширением частного рабовладения⁶¹. Это выразилось в возникновении нового общественного слоя неджесов. О том же свидетельствует факт появления в некрополях значительного числа гробниц ремесленников и других представителей состоятельных средних слоев⁶². Эксплуатация труда в царском хозяйстве и в это время носила, очевидно, достаточно жестокий характер, поскольку при Аменемхете III составлен был специальный список беглых, очевидно, земледельцев, сбежавших вследствие тяжести труда или повинностей; члены их семей были задержаны в качестве заложников⁶³.

В эпоху Нового Царства, а может быть, еще при Среднем Царстве, в царском и храмовых хозяйствах наблюдалось постепенное смягчение способа эксплуатации «земледельцев» (*mrt*) и переход от непосредственной эксплуатации к предоставлению земледельцам некоторой самостоятельности с уплатой определенной доли урожая. Даже военнопленные, жертвовавшиеся Тутмосом III в храмы Амона, как известно, записывались в земледельцы и устраивались в селениями. Вместе с тем в гробничных изображениях нередко встречаются сцены коллективной вспашки, уборки урожая, выдачи работникам довольствия. Какая из этих систем являлась преобладающей, по данным источников не видно. Более определенные сведения имеются только от конца эпохи Нового Царства, именно в папирусе Гарриса и недавно открытом папирусе Вильбура. Данные этих папирусов говорят уже, во всяком случае, о широком распространении системы сборов с зависимых земледельцев, между которыми распределены были храмовые и царские земли. Согласно данным папируса Гарриса, в числе зависимых от храмов людей наряду с пожертвованными в храмы военнопленными было много египтян, прежде всего земледельцев⁶⁴, составлявших, по-видимому, большинство. Значительная часть этих зависимых земледельцев образовала более или менее крупные поселения⁶⁵ и уплачивала со своих участков определенные взносы зерном и дру-

⁶¹ В это время встречаются крупные рабовладельческие хозяйства, принадлежавшие частным лицам. Так, в 1955 г. был издан специальный папирус (W. C. Hayes. A papyrus of the late Middle kingdom in the Brooklyn Museum), в котором идет речь о частном хозяйстве с большим числом (до 80) рабов (на обратной стороне папируса). Каково было происхождение этого крупного частного рабовладельческого хозяйства, из документа не видно, но на основании помещенного на том же папирусе текста (лицевая сторона, Текст С) можно предполагать, что оно возникло в результате царского пожалования. Характерной чертой данных об этом хозяйстве является то обстоятельство, что наряду с сирийцами и другими рабами азиатского происхождения в нем было занято большое число египтян. Если большинство женщин-рабынь было азиатского происхождения (31 из 43), то мужчин — египетского (15 из 22). Другая любопытная черта документа состоит в том, что рабы и рабыни (в том числе 22 ткачихи) использовались лишь для домашних работ и ткачества. Земледелием же занимались исключительно мужчины, обозначаемые как *ihwtj* и как «царские рабы» — *hm-nst*.

⁶² Например, в Абидосском некрополе, см. A. Erman. Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum. 1924, p. 112.

⁶³ См. тот же папирус, лицевая сторона.

⁶⁴ «Поколения (*dzmw*), которые я взрастил (*shpr*)», см. папирус Гарриса, табл. 4, ст. 5 (храм в Мединет Абу); табл. 26, стк. 2 (храм гелиопольского Ра).

⁶⁵ Возможно, что это были поселения, упоминаемые в конце списков пожертвованных отдельным храмам (табл. 11, стк. 10 и 32а, стк. 6). Ср. Д. Г. Редер. Рабы и поданные (семдет) египетских храмов в XII в. до н. э., по статистическим дан-

гими продуктами⁶⁶. Количество ежегодно вносимого зерна показывает, насколько велико было число таких земледельцев (ihwty)⁶⁷.

Еще показательнее свидетельство папируса Вильбура⁶⁸. Этот папирус показывает систему эксплуатации земли путем получения сборов с арендаторов и издольщиков уже вполне сложившейся. Распределение участков производилось двояко: одни лица получали участки на территории царского и храмовых хозяйств с обязательством взноса полной меры причитающегося с этих участков зерна; другие имели участки там же на условиях уплаты сборов с небольшой доли участка, притом по пониженной норме. В отношении последних лиц оговаривалось, что они обрабатывают участок в свою пользу⁶⁹. В первом типе, очевидно, следует видеть облагаемые участки зависимых земледельцев царского и храмовых хозяйств⁷⁰. Во второй группе издатель склонен видеть собственников⁷¹. Однако нельзя забывать, что речь идет о территории царского и храмовых хозяйств. Поскольку эти участки передавались для собственного пользования и получателями были прежде всего военнотруженики (колесничие, оруженосцы, шардана и др.) или лица, непосредственно свя-

тым большого папируса Гарриса. «Ученые записки» исторического факультета Московского областного педагогического института. Т. II. М. 1940, стр. 114 и сл.

⁶⁶ Интересные соображения о положении этих земледельцев высказываются в названной статье Д. Г. Редера. Однако согласиться с ним нельзя, когда он выделяет «семдет», отождествляемых им с «джаму», из общих списков зависимых от храмов людей. Самый текст папируса Гарриса не дает оснований для обособления «семдет» и «джаму». От имени Рамсеса III в документе без всякого различия сообщается, что храм Амона в Мединет Абу «наполнен был пленными, которых ты (Амон) дал мне (в битве) при девяти луках, и поколениями (dzmw), которых я взрастил десятками тысяч» (таблица 4, стк. 5). В разделе, посвященном гелиопольскому храму Ра, сообщается о пожертвовании «вращенных поколений» и в то же время совершенно не упоминаются рабы (таблица 26, стк. 2). В списке «голов», принадлежащих гелиопольскому храму, значатся 13 963 человека, в том числе 3 662 «головы» со всеми их владениями (таблица 31, стк. 3, 5). Точно так же и в разделе, относящемся к мемфисскому богу Пта, ничего не говорится о пожертвовании рабов и упоминаются лишь многочисленные «семдет» с их землями и скотом в Верхнем и Нижнем Египте, которыми царь «снабдил» храм Пта (табл. 45, стк. 8). В списке храма числятся 3 079 человек, из них пленны только 205 сирийцев и негров (таблица 51а, стк. 9—10). Большинство людей, принадлежавших храмам, по данным папируса Гарриса, было передано сюда не самим Рамсесом, а его предшественниками. Поскольку военнопленные уже с Тутмоса III зачислялись в «земледельцы» и устраивались поселениями, ко времени Рамсеса III пошествии многих поколений представляется совершенно невозможным в общей массе всех зависимых от храмов людей отделить военнопленных от приписанных к храмам египтян. Определенно военнопленных можно видеть лишь в тех людях, о которых говорит сам царь, что он привел их в качестве военной добычи.

⁶⁷ Ежегодный доход от взносов зерном в храмы Амона составлял 309 950 хар (226 263 гектолитра). В храмах гелиопольского Ра — 77 110 хар (около 55 тыс. гектолитров), в храме мемфисского Пта — 37 400 хар (27 302 гектолитра), в остальных меньших храмах — 13 250 хар (9 632 гектолитра). Эрман (стр. 470) полагает, что указанное количество зерна и других продуктов, полученных храмами, приходилось на все время правления Рамсеса III и поэтому должно быть разделено на 31 (число лет его правления). К этому совершенно бездоказательно утверждению Эрмана безоговорочно присоединились Брестед (Ancient records, IV, § 169) и Шедель (Schaedel. Die Listen der grossen Papyrus Harris. Ihre wirtschaftliche und politische Ausdeutung. Diss. 1935, стр. 59, примечание 4). Однако в самом документе приводимое количество сборов обозначено как оклад одного года (hty rpr) (таблица 12а, строка 5), в тех же случаях, когда имелось в виду все время правления Рамсеса III, как, например, относительно «даров царя» (таблица 13а, строка 4, ср. также таблица 33а, строка 4), в тексте делается соответственная оговорка. Любопытно, что сами авторы, сначала бездоказательно снижающие размеры ежегодных норм взносов, затем находят эти взносы чрезмерно низкими (А. Египт. Указ. соч., стр. 470; Schaedel. Указ. соч., стр. 59—60) и пытаются сами найти этому объяснение.

⁶⁸ «The Wilbour papyrus» ed. by A. H. Gardiner, I. Plates; II. Commentary. III. Translation; IV. Index, Oxford, 1940—1952.

⁶⁹ «The Wilbour papyrus», II, pp. 197 и сл.

⁷⁰ Обычно сдавалось несколько, иногда значительное число участков этого типа одному лицу, очевидно, крупному арендатору, пересдававшему затем их отдельными небольшими участками мелким земледельцам для обработки. Такая практика сохранялась в эллинистическую и римскую эпохи.

⁷¹ «The Wilbour papyrus», II, p. 75.

занные с царским и с храмовыми хозяйствами (жрецы, писцы, представители администрации, пастухи, частью также ремесленники), можно предположить, что во всех этих случаях говорится о даче определенных наделов. Правда, среди владельцев встречаются и женщины. Видимо, эти участки попадали к ним после смерти основного владельца, наследство которого передавалось его жене и детям⁷². Если это предположение верно, то в порядке распределения царских и храмовых земель можно видеть более или менее близкую аналогию с практикой, существовавшей в южном Двуречье при первой вавилонской династии. В хозяйственной жизни Египта не менее широко практиковалась эксплуатация всей массы населения в порядке трудовой повинности на оросительных и в особенности на строительных работах. Эти работы проводились до конца Нового Царства с такой же последовательностью, как и в свое время сооружение пирамид и гробниц знатных лиц, окружавших царские погребения некрополя времени Древнего Царства. Строительство пирамид (хотя и в меньших размерах) и царских усыпальниц возобновилось в эпоху Среднего Царства при царях двенадцатой династии. Но оно никогда не достигало таких размеров, как в эпоху Нового Царства в правление династии Тутмосидов и Рамессидов. В это время по прихоти правителей сооружались новые царские резиденции (Ахет Атон при Аменхотепе IV, Пер Рамсес и другие города при Рамсесе II), дворцы (Рамессеум — дворец Рамсеса III и др.), обширные водоемы для праздничных поездок царя с супругой (при Аменхотепе III), обширные царские усыпальницы, колоссальные по своим размерам храмы, рассматривавшиеся как места посмертного пребывания души царя. На все эти работы привлекалось прежде всего население Египта в порядке принудительной повинности⁷³. Во время Нового Царства вся хозяйственная жизнь находилась под постоянным наблюдением и контролем государственной власти. Как показывает известное наставление визирию, все частные владения были зарегистрированы, и центральная власть контролировала их перемещение из

⁷² Там же, стр. 199.

⁷³ Ввиду того, что некоторыми историками именно эта сторона обходится почти полным молчанием, приведу некоторые данные относительно участия населения в строительных работах. Общеизвестно свидетельство Геродота о привлечении к строительству пирамид царей четвертой династии всего населения Египта, основанное на показаниях жрецов, пользовавшихся, вероятно, архивными данными. Показания Геродота подтверждаются данными современных документов. Так, из надгробной надписи Дебехена, приближенного царя Микерина, узнаем, что царь направил на сооружение его гробницы 50 человек (вероятно, из числа работников, занятых на строительстве царской пирамиды), которые должны были работать «все дни», причем специально оговаривается, чтобы «ни один человек не был взят на эту принудительную работу (kzt) без того, чтобы получить довольствие» (Breasted Ancient record of Egypt, I, § 244; ср. A. Reisner. *Mycerinus. The temples of the third pyramid at Ciza*. Cambridge. 1931. Appendices, стр. 257). В других надгробных надписях этого времени всегда подчеркивается, что работавшие над их сооружением люди получали довольствие и не терпели обид (A. Voltan. Указ. соч., стр. 370). Вряд ли такая забота проявлялась по отношению к рабам. На месте строительства пирамиды царя Сенусерта II (времени Среднего Царства) близ Фаюмского оазиса вырос специальный поселок для рабочих, в котором рядом с помещениями для работавших находилось здание для военного отряда и в восточной части поселка обширные дома, занимавшиеся администрацией. По завершении постройки пирамиды поселок был покинут и затем вновь занят лишь на время строительных работ в том же районе при Аменхотепе III (Flinders Petrie, *Jilahun, kahun and Gurob*, стр. 6, 9, 15). В надгробной надписи архитектора царицы Хатшепсут Инени говорится, что весь Египет со склоненной головой должен был работать на нее (Breasted, II, § 341). В правление Аменхотепа IV для работ в каменоломне в Сильсиле для добычи камня при сооружении обелиска были затребованы каменщики со всего Египта от Элефантины до Дельты (там же, II, § 935). Памятником того, какая масса собранных со всего Египта рабочих при том же царе участвовала в строительстве новой столицы Ахет Атона, сооруженной в течение нескольких лет, служат раскопанные остатки рабочего поселка, используемого лишь во время строительства и затем совершенно покинутого. В одной из надписей Рамсеса II, содержащей обращение к царю бога Пта, последний говорит, что он устроил так, чтобы всякий труд служил царю, чтобы все, что есть на земле,

одних рук в другие; не только акты отчуждения земельных владений, но и завещательные распоряжения поступали к визирю и получали силу только после приложения его печати⁷⁴. И позднее, при возникновении судебных дел из-за земельных участков, для решения спорных вопросов обращались за справками в центральный архив страны⁷⁵.

Надо заметить, что при Новом Царстве более широкое распространение получило частновладельческое рабство. Однако значение этого обстоятельства не следует преувеличивать⁷⁶. При оценке роли частновладельческого рабства для развития экономики Египта нужно иметь в виду, что в отличие от Вавилонии, где царское хозяйство после третьей династии Ура утратило свое первенствующее значение, в Египте государственное хозяйство оказалось более устойчивым и сохранило свое ведущее значение. При этом в царском и храмовых хозяйствах наблюдалась, как отмечалось выше, обратная тенденция к смягчению непосредственной эксплуатации и предоставлению известной самостоятельности непосредственным производителям — зависимым «земледельцам» или съемщикам, являвшимся предшественниками «царских земледельцев» птолемеивской эпохи.

Совсем иным был путь, пройденный Грецией. В ее истории эксплуатация населения, по крайней мере в тех формах, какие она приняла в странах Востока, никогда не имела места⁷⁷. Греция с самого начала по-

что ходит на двух и на четырех ногах, что летает, работало бы на царя (там же, III, § 405). Оставляя в стороне летающих, необходимо отметить, что Рамсес II в действительности широко использовал труд жителей Египта на строительстве Пер Рамсеса и других городов, а также грандиозных сооружений. Позднее, в обращении к подданным, вложенном в уста Рамсеса III, точно так же содержалось требование выполнения для его преемника самых разнообразных работ. Повествование Библии (Исход, V, 14—16) о страданиях израильтян при сооружении городов Пифома и новой столицы Рамсеса II Пер Рамсес может служить иллюстрацией того, как производились эти принудительные и строительные работы. По всем данным, израильтяне работали не в качестве рабов, а на общих основаниях, поскольку они находились в то время на территории Египта, и «домом рабства» они прозвали Египет не потому, что там было много рабов, но прежде всего потому, что там все население жило в условиях рабства. О степени жестокости эксплуатации на принудительных общественных работах свидетельствует также сообщаемый Геродотом факт, что во время производства работ по прорытию канала, который должен был соединить восточный рукав Нила с Красным морем, в правление фараона Нехао погибло 120 тыс. египтян, причем работы так и не были доведены до конца (Геродот, II, 158).

⁷⁴ Breasted, II, §§ 689, 690, 730. От такого контроля не были освобождены и так называемые «высокие поля». См. Petrie. The cultivators and their land in Ancient Egypt. 1926, p. 108, №№ 1182 и сл.

⁷⁵ Так решалось, например, судебное дело времени XIX династии согласно известной надписи Меса в Сахаре. Надпись издана V. Loret в «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Wissenschaft», XXXIX (1900), S. 1—10. Комментарии к этому документу даны в статье A. Moret. Un procès de famille sous la XIX dynastie, «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Wissenschaft», XXXIX (1900), стр. 11—39; русский перевод И. М. Лурье. Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового Царства, ВДИ, 1952, № 1, стр. 241—245. См. также A. Gardiner. The inscription of Mes, «Untersuchungen zur Geschichte und Altertumswissenschaft Aegyptens», IV, 3, Leipzig, 1906.

⁷⁶ Главным источником приобретения рабов служило дарение военнопленных царем. В документах встречаются единичные случаи покупки рабов и рабынь (И. М. Лурье. Указ. соч. ВДИ, 1952, № 1, документы №№ 1—2. Чаще идет речь о найме рабынь, документы №№ 3—7). Частновладельческие рабы использовались преимущественно в домашнем хозяйстве; большое число рабов непосредственно обслуживало лично владельца. Насколько широко рабский труд применялся на сельскохозяйственных работах у частных владельцев, за отсутствием достаточных данных решить не представляется возможным. Имеются лишь случайные и относящиеся к более позднему времени данные. Так, например, от времени чужеземного господства (XXII—XXIII династии) сохранились сведения об образовании крупного поместья в 556 арур путем скупки нескольких участков у «немху» (поскольку речь идет о выделении этих участков из храмовой территории, то в этих «немху», вероятно, следует видеть съемщиков храмовых земель), с одновременной покупкой рабов и рабынь — 32 человека. Но и этот случай вряд ли может рассматриваться как типичный, так как в качестве владельца в данном случае выступал верховный жрец и царский сын.

⁷⁷ Здесь имеются в виду прежде всего те области, в которых происходило даль-

шла, как показано выше, по пути развития частновладельческих хозяйств, причем, как уже отмечалось, попытки закабаления собственных единоплеменников в силу местных условий не имели успеха и в передовых городах были запрещены специальным законом. Вот почему более «развитые» формы рабства, которых страны Востока не смогли будто бы достичь в течение нескольких тысячелетий, здесь появились и распространились очень рано еще в связи с разложением общинно-родового строя и становлением классового общества.

Мы видели уже, как этот различный характер базиса отражался на характере общественного и государственного строя. В этом отношении характерно, например (как уже отмечалось выше), что в то время, как падение родового строя и становление классового общества и государства в Двуречье происходили в условиях борьбы родовой знати с деспотической властью, с победой которой и завершился процесс становления государства, в древней Греции господство родовой знати низвергнуто было в результате борьбы широких масс, приведшей в конце концов к установлению демократического полиса. По мере развития полисов в Греции росло расстояние, отделявшее свободное население от рабов. Именно в специфических чертах античного рабства и заключалась прежде всего предпосылка возникновения и развития античной культуры. Выше уже отмечалось, что именно отсутствие необходимости духовного принуждения и воздействия на умы и психику эксплуатируемых рабов освобождало философскую мысль Греции от всяких религиозных пут и оков и открывало перед нею возможность свободного развития. Другое преимущество античных стран, и в первую очередь Греции, состояло в том, что исключительное преобладание рабства в его наиболее чистой форме вело к последовательному разделению физического и умственного труда, какого не могло быть на Востоке⁷⁸. О том значении, какое имела античная форма рабства для развития философской мысли в Греции, уже шла речь выше. В основе эллинского искусства лежал идеал гармонического развития всех физических и духовных сил свободного человека в противоположность низменным качествам, приписывавшимся рабам. Сама религия полиса в Греции была не только свободна от мрачного колорита восточных религий, но, напротив, отличалась оптимизмом и жизнерадостностью.

Однако тот же особый характер базиса, который обуславливал пышный расцвет античных культур, заключал в себе, как уже сказано, и слабые стороны, поскольку рабский труд, вытесняя из производства свободный труд, приводил к упадку всей общественной полисной системы и до крайности затруднял переход к феодальной формации.

Сопоставление характеристики базиса и надстроечных явлений Египта и Двуречья, с одной стороны, и античности — с другой, показывает, по нашему мнению, что в истории древневосточных и античных рабовладельческих обществ мы имеем не две последовательные стадии развития рабовладения, а два отличных один от другого типа рабовладельческих обществ.

нейшее развитие в направлении возникновения и расцвета системы полисов; однако даже в Спарте и на Крите общественные и государственные порядки строились на совершенно иных основаниях, нежели в странах Востока.

⁷⁸ Если и видеть в обособлении жречества и других лиц административного персонала (писцов и пр.) отделение умственного труда от физического, то, не говоря уже о том, что умственный труд был при этом ограничен крайне узким кругом лиц, самая свобода его была стеснена религиозными рамками и догмами, как это было показано выше.

(Окончание следует)